

«КОГДА НА СМЕРТЬ ИДУТ — ПОЮТ...»

В ОЛЬВОВЕ уже пышно цвели каштаны, и буйное, второе послевоенное лето постепенно входило в свои права, как вдруг по городу пронеслась весть: «Приехали писатели Борис Горбатов и Семен Гудзенко. Будут выступать».

С Борисом Горбатовым я встречался в конце 20-х годов в Донбассе и даже печатал на страницах молодежной газеты его первую комсомольскую повесть «Ячейка». Он-то и познакомил меня с Семеном Гудзенко.

Бывают такие открытые, цельные натуры, с которыми сразу идешь на дружбу без боязни ошибиться в человеке, и человек этот входит в твою жизнь. Таким человеком был Семен Гудзенко. Он обладал способностью легко знакомиться с людьми, устанавливая с ними душевные контакты.

Где, в какой части воевал Гудзенко, мы не знали, а он почему-то не рассказывал. Или просто об этом не заходил разговор. Я знал только, что из литературного института он в первые дни войны добровольцем ушел в армию.

И вот на одной из встреч в тесном кругу военных журналистов воодушевленный, растроганный теплым приемом Семен Гудзенко разговорился, один за другим стал вспоминать боевые эпизоды и действия в тылу врага и мимоходом, как-то невзначай, обмолвился:

— Тогда, в ОМСБОНе, мы еще не знали...

— А что такое ОМСБОН? — перебил гостя не то поэт Василий Глотов, не то друг Семена Гудзенко, украинский писатель Виталий Петльованный.

— ОМСБОН — это отдельная, — протынул Семен Гудзенко и осекся, сообразив, что сказал лишнее. — А впрочем, повремените. Еще не время рассказывать об этом!

Конечно же, он был прав. В то второе послевоенное лето многого мы еще не знали о формировании Особой бригады, не был нам известен широко во всех своих подробностях подвиг многих воспитанников этой знаменитой бригады, равно как не были известны подвиги Героев Советского Союза Николая Кузнецова, Виктора Карасева, да и многих других разведчиков, действовавших в тылу врага.

И, как бы желая переменить тему разговора, Гудзенко сообщил нам многие подробности о футбольной команде его родного города

Киева, той самой команде «Динамо», которая сыграла с немцами свой последний матч смерти.

— А вот ее вратарь Коля Трусевич, — сказал я, доставая из бумажника маленькую фотографию, на обороте которой было написано: «Моему другу Владимиру Беляеву».

— Откуда у вас эта фотография? — удивился Гудзенко, разглядывая этот ценный для меня сувенир.

Пришлось рассказать, как за несколько дней до начала гитлеровского вторжения в Ленинград на очередные матчи то ли с «Зарей», то ли с «Зенитом» (сейчас уже не помню), приехала команда киевского «Динамо». Среди футболистов-киевлян у меня было немало друзей и знакомых. В день приезда тренировки у них не было, и потому мне удалось довольно легко «украсть» к себе домой, на проспект Максима Горького, 23, двух игроков команды — Николая Трусевича и Шиловского. Колю Трусевича я знал давно, еще по Одессе. Близкие ему люди шутливо называли этого прекрасного, длинноногого вратаря «трус», что категорически не соответствовало ни его характеру, ни его мужественному поведению в последние часы жизни, когда он храбро защищал ворота на киевском стадионе «Динамо» в блестящем бою с немецкой командой из люфтваффе, не пропустив ни одного мяча. Я восторгался его прежними победами, его футбольной славой, особенно после того, как в матче с одной из лучших команд мира «Рэд Стар» («Красная звезда») в Париже в середине тридцатых годов мы победили французско-профессионалов со счетом 6:1. Ворота сборной Советского Союза защищал тогда динамовец Трусевич.

И, правду сказать, я очень гордился тем, что такой знатный гость вместе со своим приятелем Шиловским пришел ко мне запросто и держался очень скромно. Выбегая к соседям, тоже заядлым болельщикам, за солью, я шептал им:

— Вы знаете, кто у меня в гостях? Сам Николай Трусевич! Послезавтра вы увидите, как он железно будет держать ворота!

К сожалению, это «послезавтра» не состоялось. Все ленинградцы, едущие на стадион Ленина, услышали по дороге о нападении Герма-

нии на Советский Союз, и многие пустили по ветру свои билеты, понимая, что теперь не до футбольных матчей. А киевские динамовцы вернулись к себе домой и со временем оказались в оккупации.

Но тогда никто не предполагал, что так будет. И в тот прекрасный, солнечный июньский день мы «холостяковали». Сами чистили картошку, стягивали синеватую шкурку с жирных тихоокеанских сельдей, обкладывая их, освещенных, лиловыми ломтиками репчатого лука, а потом швыряли в кипящее на раскаленных сковородках сливочное масло толстые жаренные котлеты. Из таких подрумяненных котлет, стоило только проколоть их вилками, вырывались розовые фонтанчики кровавого сока.

А потом, пододвинув к раскрытому венецианскому окну тяжелые кресла, окружив ими небольшой столик, мы пили терпкий «Шамхор», разбавляя его холодным «Нарзаном», судача о разном, от древних греков до подвигов дюка Ришелье. Вспомнили мы и знаменитость Одессы, рыжего пилота Уточкина, который однажды съехал на мотоцикле от подножия памятника Ришелье к выщербленной ветрами стене таможни...

— Ты бы смог прокатиться так, Коля? — как бы невзначай спросил Шиловский.

— Эка невидаль, — ответил Трусевич. — У той же лестницы марши широкие. Гораздо страшнее, когда перед тобой мечется, стараясь загнать мяч в верхний угол, Андрей Старостин...

Все это я припомнил в разговоре, когда мы возвращались с Гудзенко по Академической аллее к львовской гостинице, в которой некогда останавливался по пути в Верховню генерал девятнадцатого века, да, впрочем, и всех будущих веков, Оноре де Бальзак...

— А вы знаете, как они умирали? Футболисты-динамовцы? — посмотрев мне в глаза, печально спросил Гудзенко.

— Подробностей не знаю. Слышал только, что их рас-

стреляли. Ивана Кузьменко, Алешу Клименко и Трусевича. Это были отличные игроки. Я всякий раз бросал все в Ленинграде, бежал на стадион, чтобы полюбоваться их игрой...

— Умирают и расстреливают по-разному, — отрезал Гудзенко. — Их положили лицами к земле вместе с другими обреченными. Чтобы не видели в лицо палачей, которые будут их расстреливать в затылок. Коля Трусевич, чуя смерть, перевернулся лицом к солнцу, рванул на себе по-одесски майку и крикнул прямо в морды карателям: «Да здравствует красный спорт!». Так оборвался последний тайм его динамовской жизни...

И мне вспомнилась гудзенковская строка «Когда на смерть идут — поют...». Не очень много он написал о войне, но то, что написал, было очень хорошим, если не лучшим.

Уже позже я узнал, как Гудзенко попал в ОМСБОН. Он был отличным спортсменом у себя в институте. Именно это и сыграло свою роль в том, что его направили в эту легендарную часть. Вместе со всеми он уходил со стадиона «Динамо» учиться новому, нелегкому для себя делу.

Когда мы шли по городу на рассвете, Гудзенко спрашивал меня, как дальше поведут себя герои «Старой крепости», знакомые ему еще со школьных лет по первой повести. Мимоходом сказал:

— Вот закончите книгу, обязательно присылайте в Москву. С удовольствием напишу о ней.

Правильно сказал кто-то, что на таких людях, как Семен Гудзенко, — добрых, отзывчивых, принципиальных, земля держится, потому что они оставляют большой след в сознании и памяти знавших их людей и помогают своим творчеством лучше понимать и ценить жизнь.

Владимир БЕЛЯЕВ.